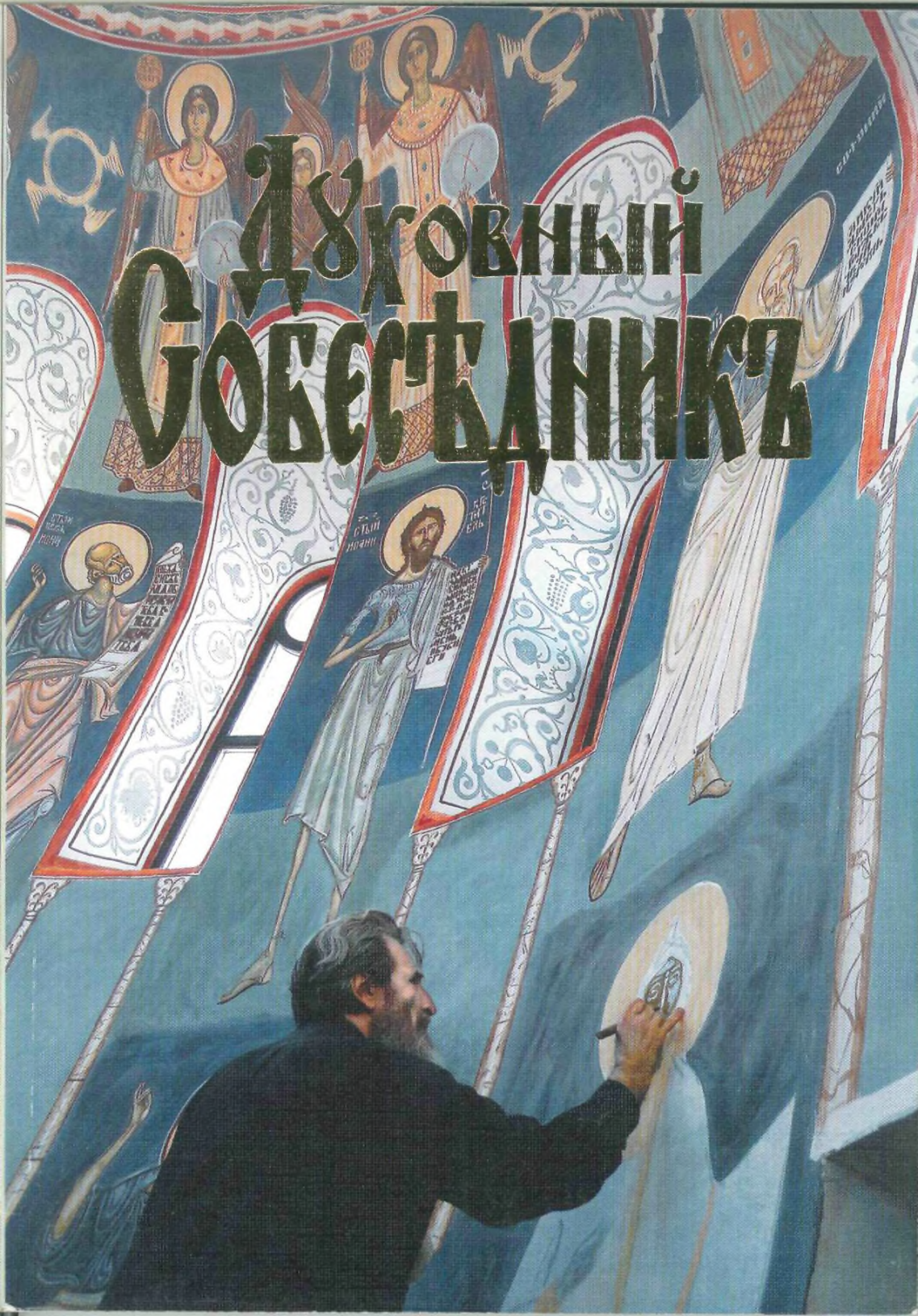

Духовный Совестьникъ

Духовный Собеседникъ

2014 №2(70)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Богородцев
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Коваленко – корректор
Евгений Азимов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-75-12.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВА КО ГОСПОДУ 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Митрополит Черногогорский и Приморский
Амфилохий (Радович)

«Человек – носитель вечной жизни» 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Из келейных записей преподобного
Серафима Саровского

Поучения святых отцов о молитве Иисусовой 6

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Алексей Величко

Русский папизм: взлет и падение 14

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

Алексей Подмарицын

Живой, страдающий, пламенеющий 32

Митрополит Мануил (Лемешевский)

«Живи так, чтобы всем было хорошо»

Из дневника святителя (1947 год) 38

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Леонид Решетников

Слом русского национального кода в 1917 году 56

ИЗОГРАФ

Владимир Кидишевич

«Благовестие в красках» 70

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Напалья Гладышева

Уголок России в Парагвае 92

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

Виктор Тростников

Уроки истории – в школе и не только 114

ПОЮ БОГУ МОЕМУ

Алексей Смоленцев

«Береженный хлебушек Любви» 124

«БЕРЕЖЕННЫЙ ХЛЕБУШЕК ЛЮБВИ»

Смоленцев Алексей Иванович родился 26 марта 1961 года в г. Йошкар-Ола. С 1962 г. живет в Кирове (Вятке). Окончил Московский институт стали и сплавов и Литературный институт им. А. М. Горького.

По основной специальности работает в Федеральном медико-биологическом агентстве России, по совместительству – старшим научным сотрудником Вятского гуманитарного госуниверситета. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Публиковался в центральных и региональных изданиях, автор книг «Иван Бунин. Гармония страдания», «Пересеченная местность», «Береженный хлеб».

АНГЕЛ

<...>

Время жизнь свою править выше,
Русских душ расключать ключи.
И имеющий уши – слушай,
Потерявший себя – ищи.

Время падать идолам наглым.
Вновь Христу – мой народ – свеча.
Так – молчит за плечами Ангел,
И огонь от его меча.

+ + +

Смерть ушла, и жала не осталось,
Но зачем, волнуя кровь, опять
Подступает к горлу, словно жалость,
Вечеров весенних благодать?

Хмарь костров и пыльный смет обочин –
Зарыдать – и не имеешь слез...
И горька, как свежесть первых почек,
Эта жизнь, которая всерьез.

И душа, что за любовь ломима,
Вновь взыскует: бодрствуй и внемли...
Вечный сон о вешней тени дыма
В молодом смятении земли.

САМАРА

Вопреки течению катерок
Трудится, стремится к цели дальней.
А и впрямь Самара – городок
И зеленый, и провинциальный.

Набережной бережный уют
Весь осыпан яблоневым цветом,
Соловьи незримые поют,
Осеня Родину рассветом.

А вверху, над вольницей реки,
Там, где грянет солнца изобилье,
Облаков касаются, легки,
Серебром трепещущие крылья.

Золото и зелень, купола,
Благовест сочится мѣдным воском,
Бьют у Сергия колокола, –
Сретенские отвечают в Борском.

И вовек над благодатью сей
Иноземный не взойдет воитель, –
Так сказал святитель Алексей –
Города небесный покровитель.

Так и будет. Обороной пост.
С Господом любое лихо стерпит
На границе азиатской степи
Православной Родины форпост.

ПРЕД ХРАМОМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Смотрю на купол, душу запрокинув.
Вот так же наша вера высока.
Стремительно небесную стремнину
Сквозь створ крестов проходят облака.

О, быстротечность вечности! Туда
Вольюсь ли частью, избежавшей тлена?
Будь милостив... И, преклонив колена,
Я бью челом – тверда земля, тверда.

Христос Спаситель, чудо храма славлю!
До высоты достанет ли скорбей?
Но укреплюсь в вере православной
Дай быть, как грунт, на паперти Твоей.

ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ

Наша вера – межреберья рана:
Кровь течет, но схимой прочен сан.
День и ночь в молитве непрестанно
Пребывает старец Иоанн.

Храм в теснине кладбища. На страже
Православья крепкие посты.
Противоантихристовы кряжи –
Жестко оцетинились кресты.

Се оплот. В церковных сводах Ангел
Бдит, испепеляя мрака край.
Неусыпным чтением Евангелий
Внемлет Чудотворец Николай.

Времена прошли. Настали сроки,
Четками отсчитанные дни.
Бьются, вьются бесы, как сороки,
Как трещат в преддверии они.

Видит старец, в Боге прозревая,
Все враги России, чуя суд,
Хрюкая и воя, и стеная,
На ответ к Спасителю ползут.

Замер мир. России изможденной – сон.
Но – звон! Кадило? Врат ключи?
Старец, паче снега убежденный,
Пламя Евхаристии в ночи.

+ + +

Годы шумели ли, воды ли талые?
За переправой судьбу не меняют.
Душу разжав, словно пальцы усталые,
Боже, я сам отпускался от края.

Гибель моя. Но и в эти мгновенья
Был благодарен Тебе, что даешь
Не перепутать паденье с пареньем,
Правду Твою и лукавого ложь.

Падал и полз для того, чтобы снова
 Встать и идти, трупных язв не тая.
 Знал – это крест, это плата за слово –
 Неизреченная милость Твоя.

Как Ты склонялся ко мне, окаянному,
 След на снегу – это Ты нес меня.
 Дай только прежде конца покаяние,
 Дай мне прощение прежде огня.

Не оставляй меня. Слышишь? Не надо.
 Дай предстоять среди нищих Твоя.
 Даже и там, за церковной оградой,
 Благовест Твой да достигнет меня.

Весь пред Тобой я. Карая и милуя, –
 Не оставляй... Упокоив потом
 Рядом с отцовскою тихой могилою
 Под православным русским крестом.

ТАК СЛЫШАЛ ИОАНН...

...И видел Иоанн, что свет не меркнет,
 И слышал глас, рокочущий над ним:
 «И Ангелу Лаодикийской церкви
 Ты напиши: так говорит. Аминь.
 Твои дела мне ведомы. И даром
 Из уст Моих тебя б я не изверг.
 О, если б ты был холоден иль жарок!
 Но ты лишь тепл. А это – тоже грех.
 Ты говоришь: “Моих богатств немало,
 И нет нужды...” – се заблуждений мрак.
 Узнай же, что несчастен ты и жалок,
 И более – ты нищ, ты слеп, ты наг.
 Приди ко Мне. Глазною мазью вежды
 Помажь свои, чтобы прозреть. Тогда
 Я дам тебе и белые одежды,
 Чтоб срамом не зияла нагота,
 И золото, что вмиг обогащает,
 Но чистотой обязано огню...
 Лишь помни: только тех Я обличаю,
 Наказываю – тех, кого люблю.
 Покайся! И будь ревностен ты в вере.
 Я – у дверей. Кто слышит голос Мой –
 Откроет Мне. И общая вечеря
 Нам предстоит: Я с ним, и он – со Мной.

И будет побеждающий достоин
Со Мною на престоле сесть Моем,
Точь-в-точь как Я достоин стал престола
И, победив, сел рядом со Отцем.
Имеющие ухо да услышат,
Что Дух Вселенский говорит церквам».
...Как звук трубы, был глас, звучащий свыше.
Так записал. Так слышал Иоанн.

+ + +

Мы, тихим снегом небеса теряя,
И нисходя в земное бытие,
Уже не помним то, что было раем,
Не помним про небесное свое.

Идем, идем, идем... Господни хлопья,
Ложимся на асфальты и жнивье...
И это мы – и существо холопье,
И воплощенье робкое Твое.

Небесные искрящиеся точки, –
Зачем нам явлен бренный мир земной?
Нас небо ждет. Но так же ждет и почва,
И тихо жаждет, памятью зной.

Задумав нас как отрицанье ночи,
Ты дал нам выбор, яко Ты наш Бог.
Мы – серые снега, снега обочин
Отеческих, расхристанных дорог.

Но справа лечь – еще не значит правым
После зимы предстать перед Тобой.
Притечь к Тебе и оказаться равным
Тому, что и задуман был Тобой.

О зимнем, о земном весь день хлопочем.
Чему мы служим и кого поем?
Мы серые снега, снега обочин,
Нам не взблизать и самым ярким днем.

Но тот же мир, тот самый, – мог быть счастьем.
И поле, и обочина – Твои,
Когда б мы удостоились Причастья,
Когда бы не забыли о Любви.

И, – что полей божественная нега, –
 Мы, сырые обочины Твои,
 Убелены Тобою паче снега,
 Взблестали б в блеске Солнечной Любви!

Но в смерть усне... Бескрайни наши сны.
 В Твои врази обратные не увидем...
 Ужели так? И Страшный Суд весны
 Нас унесет, как мутные обиды?

НОВЫЕ БЕСЫ

Соберись, кто уже обессилел,
 Не остави моление свое.
 Бесы вышли из тела России
 И кружат на просторах ее.

И играют с людьми, и дурачат:
 То рисуют, то прячут нули.
 И по-новому учат батрачить:
 Дело делай – сиди на мели.

Учат жить только ради прокорма,
 Смерть Рожденью явила свой счет,
 И уже дистрофия как норма
 Коридорами в школах бредет.

Оскверненную смрадом обитель
 Чистит к Богу струящийся плач,
 А зияющий их предводитель
 Распростер по экрану свой плащ.

Но экран не Россия – недолго
 Им крутить злодеяний кино.
 Накуражившись, бросятся в Волгу
 И, визжа, погрузятся на дно.

ГОРЕ ГОРЬКОЕ

Как похмелье раздирало веки.
 Как хотел, чтоб сном предстала явь.
 Но всю жизнь в одну и ту же реку
 Так и лез. Как будто можно вплавь...

Бог, в Которого еще не верил,
 В юные щенячие года
 Столько раз выбрасывал на берег,
 Но я лез, упрямо лез туда,

Где змеино стекленилось зелье,
Вкривь и вкось Отчизну прочертив...
На Руси есть питье веселье?
Питие есть горе на Руси!

Сколько нас, упившихся, задушенных,
Сколько нас уже за гранью, там,
Где грехами вспученные души
Злее тел смердят по берегам.

Пьем за Русь, стакан подняв, как знамя,
А выходит – здравица врагу.
Родина, она сейчас не с нами,
Церковь не на этом берегу.

Там они, где чтя былую славу,
Рать ведет последний смертный бой:
Каждый русский, каждый православный
На счету в незримой битве той.

+ + +

Снова гласом победным
Лунный выбелен зрак.
Тихим светом молебна
Преисполнился мрак.

И восходит икона
Над фундаментом плеч:
Нам доверил Никола
Возвращения честь.

Погуляли с толпою,
Но труды есть труды, –
Вновь в молитвенном строе
Каменеют ряды.

Над Христовою ратью
Образ, светел и строг,
Дарит нас благодатью
Неготовых дорог.

Зуд комарьего жора,
Солнца жгучий язык
И Медянского бора
Бесконечный тупик.

Зато венчан на царство
Со-Крестовых скорбей
Не в мгновениях часа,
Но под тяжестью всей.

*Село Великорецкое, с 6 на 7 июля
после полуночи*

ПОМИНОВЕНИЕ

Памяти братьев Смоленцевых

В чистоте и струящейся неге
От земных отдыхая невзгод,
Нынче встретились братья на небе:
И Иван, и Евгений, и Петр.

Три судьбы миновали. Три силы
Растворились в пределах земных,
Но шумят на просторах России
Тополя, пережившие их.

Тополя, что посланием в вечность
От отца их устремлены,
От отца, чья судьбина – безвестность
На просторах Великой Войны.

Он рождению сына не ахал:
Строго тополь садил под окном,
Видно знал: возникаем из праха,
В прах уходим, – но в небо живем.

И у братьев – земля как начало:
Первый шаг, первый жизненный срез, –
Запах пашни и запах соляра, –
Хлеборобы времен МТС.

Их по-разному время пластало,
Но об этом другой разговор.
И шумят тополя, где стояло
В оно время селение Бор.

Мне ли слогом их судьбы осилить?
Мне ли их рассудить бытие?
Тех, что были корнями России
И стволом, и ветвями ее.

Упокой же их, Господи! Воля
Да пребудет Твоя, яко свет, –
Да вчиниши их в место покоя,
Там, где нет вздыханий и бед.

8 июля. Приближение к Вятке

И беззвучьем огненного крика
Плавится разверстый солнца рот...
Это снова Николай с Великой
Воинство усталое ведет.

Огонь мозолей пожирает пятки,
Ноша за плечами давит вниз.
Они снова вымолили Вятке
Лето, осень, урожаем и жизнь.

Новому не поклонившись веку,
Мудрости заемной вопреки
Вновь вошли в одну и ту же реку,
С той же возвращаются реки, –

И подав пометочки о близких,
До земного окончанья дней
Будут помнить грязь под Монастырским,
И двойную радугу над ней.

«Радуйся, Николае», – пропето.
По миру опять рассеет Бог.
Через год, на третье утро лета
Соберет Никола свой горох.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Евгению Лазареву

Третий Рим и в ночи, и в снегу
Захлебнулся. И сон его тесен...
Сквозь двухтысячелетнюю мглу
Вдруг откроется полдень в Эфесе.

Дрожь и зыбкость вселенских основ.
От креста разрешаются плечи.
Грянул час: Иоанн Богослов
Возвращается в Логос Предвечный.

Он, земных не стяжавший оков,
Утверждающий веру как камень,
Уже слышит отеческий зов
И прощается с учениками.

Иоанне, отверзи уста!
Как нам плыть средь мирского тумана?
Ты – последний, кто видел Христа,
Ты был избранным паче, чем званым.

И в стесненном отчаяньи круга
Сталь мороза прорезала зной.
Молвил: «Братья, любите друг друга», –
И пространство зашло тишиной...

Третий Рим. Темный морок испуга.
Но пред тем, как низвесть сатану,
Русским словом прозренная вьюга
Закружила и мает страну.

Как нам быть, если верный поруган,
Если ненависть застит нам свет?
Слышу: «Братья, любите друг друга», –
Вечно Новый Последний Завет.

РУССКИЙ МОНАСТЫРЬ

Перечитаю Псалтырь.
Боль моя вспять потечет.
Русский спасет монастырь –
Или ничто не спасет.

Синее небо. Кресты
Словно из солнца отлиты.
Здесь все рецепты просты:
Труд и молитва.

Сколько над смыслом ни бейся,
Здесь обретешь невзначай:
Молишься – верь и надейся,
Любишь – терпи и прощай.

СМИРЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Осенние зябнут поля.
Ночной исчезающей тенью
К утру поседеет земля
В ознобе прозренья.

Осенние думы, струясь,
Замрут, воплощая безгласность.
И вот уж не слякоть и грязь,
А четкость и ясность.

Живи, покидать не спеша,
Ни кров, ни небесную кровлю.
И пусть серебрится душа
Смиренной любовью.

БЕРЕЖЕННЫЙ ХЛЕБ

Пасхи золотая синева.
Дар приму от нищенки убогой.
И с тех пор, как данное от Бога,
Берегу сухарик и слова:

«Радуйся! Воскресло Жизни Чадо!
Не побрезгуй, милый человек,
Свежий ситник – ежедень и сладок,
Береженный хлебушек – весь век».

Господом подсказанная мера,
Ревностно хранимая во дни,
Радость моя первая и вера –
Береженный хлебушек Любви.

ГОРОХОВО

Русь незрима. В чине страстотерпцев
Наши села скрыты от врага.
Прохожу и задеваю сердцем
Камень стен. Тесны Твои врата...

Нет села? Но как тогда упрямо
Умудрилась быть и не пропасть
Между колокольницей и храмом
К роднику ведущая тропа?

Лестницей акафистною внидешь
В мир, где паче светлого светло,
И из трав проступит вятский Китеж –
До поры незримое село.

Скрытое от взора, словно в схиме,
В подвиге смирения высокого
И живет, и помнит свое имя,
Богом нареченное – Горохово.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Владимиру Крупину

За крестом по горестной Отчизне...
 Краткий отдых. Тихо и светло.
 Здесь когда-то радовалось жизни
 Русское исконное село.

Здесь, где в травах не найти дорогу,
 Жили и умели, и могли,
 И седьмой день посвящали Богу,
 И святой источник берегли.

Тихо и светло. Свершилась драма –
 Боль России и судьба ее, –
 Нет следа? Но помнит остов храма,
 Помнит время прежнее свое.

И его трепали те же грозы.
 Тракторок усиленно пыхтел.
 Тщетно. – Мочевинной и навозом
 Завалили Радости Придел.

Как они глумились над Великим!
 Словно из утробы светлый плод,
 Все скребли, все выскребали Лики,
 Оборвать пытаюсь русский род.

Пыжились. Но удержал Спаситель.
 Урезонил хамские дела.
 Выстояла Радости обитель –
 До сих пор жива душа села.

Вдруг услышу между вещей строчек,
 Тающих в божественной тиши, –
 Сердце ли? – Святой воды источник –
 Бьется. Не сумели заглушить!

И тогда увижу здесь впервые
 Не простор, что полонен травой, –
 Светлый образ нынешней России,
 Православной Родины – живой...

Значит, рано нам сдаваться ночи,
 Да и дел-то соберешь в горсти –
 Возродить живой воды источник,
 Храм расчистить, Родину спасти.

СЫРОЕЖКА

Маме

*...на троне, близ скита
Пресвятой Богородицы Ксилургу¹,
Я увидел сыроежку...*

Небо молится здесь. Море – стонет.
Здесь дарован Горе горний труд.
Сыроежки растут на Афоне,
Словно дома, в России, растут.

В школьных прописях Божия правка.
Верь и бойся, проси – и тебе
Фиолетовой камиллавкой
Просияет в опавшей листве

Сыроежка. И только? И – столько! –
В мертвом сердце очнется, что спит:
Вспомнишь мать покаянно и горько
У святой материнской стопы.

Что творил ты? До дна и до края
Достигал. Но из смертных оков
Вынимала тебя, – разгильдяя, –
Материнской молитвой Любовь.

Как ты, мама? Молитва не стынет.
Шла, Дивеевской правдой дыша,
И до Самого Божьего Сына
Ты за сына земного дошла.

Он меня – сыроежку смиренья –
Взял, на камне любви укрепив.
...Мама, будем в небесных селеньях,
Вместе с папой пойдем по грибы...

Дождик декабрьский

Ненависть – тяжкая ноша.
Город бесснежье гнетет.
Плачет блаженный Алеша
Возле церковных ворот.

¹ Главная святыня скита Ксилургу – стопа праведной Анны, Матери Пресвятой Богородицы. Св. прав. Анна имеет особую благодать предстательства за бесплодных супругов и страждущих младенцев.

Храм Серафимовский темен. –
Некого больше лечить? –
И в непокрытую темень
Дождик декабрьский стучит.

Дождик летит и не тает,
Грязью ручейной бурлит.
– Вятке Любви не хватает,
Нам не хватает Любви.

Только Любовь и нетленна,
Званья и почести – прах.
Веру декабрьским успеньем
Нам возвращал Патриарх¹.

Даром молитвенной силы
Он бытие превозмог,
Чтоб предстоять о России
Ближе к Престолу Его.

И на глазах – изумленье –
Дождик до снега простыл.
Праздник иконы «Знаменье» –
Слякоть смиряется в стынь.

Родины ответ дочерний –
Вятка, еще поживем?
В храме лампадки к вечерне
Теплит отец Симеон.

Вот уже больше и больше –
Тесны – ряды прихожан.
Хлынул с народом Алеша
В свой Серафимовский храм.

Общую исповедь править –
С верой ко Господу Сил –
Батюшка вышел Геннадий,
Сдержанно провозгласил:

– Кротость Давида – основой,
Смута страшней, чем война.
Ризы не троньте Христовой
Не раздирайте ее.

¹ Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II (Ридигер) скончался 5 декабря 2008 г.

Вот от кадила клубами
Мира творение – дым.
Царскими вышел вратами
В службу отец Серафим.

...Паперть уже запорошена.
Холод над Вяткой, как нимб.
Молится Богу Алеша
Вместе с народом своим.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Солнце уходит. И – темен
Миг миру, а полночи – сыть.
Се византийское время
Пресуществляет часы.

В костницах чисто и мглисто
Праведных сном восковым.
Одр сей – Афон каменистый –
Станет ли гробом моим?

Било скликает на битву,
Черный поднимется сонм:
Твердо встает на молитву
Ангелоносный Афон.

Тело едино – горе –
Крестное знаменье тронет
В Лавре, в Хиландаре,
В Иверском, в Пантелеймоне.

Стражу имеете? – Ста
К камню Афона.
Светлым пришествьем Христа
Мрак раздерется закона.

Стражу иную – пятью
Ранами – възщет Отец.
Ей – Иисусовой нитью –
Четки снизал Он сердцец.

Дрогнут стасидий подножья,
Вспрянет Афон в стременах –
Высшее мужество – Божий
Смерть попирающий страх.

АФОН

Удержит кто на вираже,
Почти у края?
Афон работает в душе
Не уставая.

«Работа», «почести», «друзья» –
Как осыпь – морю.
Нагим из чрева вышел я,
Наг пред Тобою.

Но был смятен: я – знавший боль, –
Ужели трушу?
Афон оружием прошел
Больную душу.

<...>

За лицемера помолюсь,
Не дам отмщенья.
Так надо, Господи? – и пусть,
И мне – прощенье.

Афон работает в душе
Светло и строго,
И мне давно пора уже
Работать Богу.

ГВОЗДЬ

Господи, я Твой гвоздь.
Рану пробил Тебе.
Господи, я здесь не гость,
Промысл Твой есть о мне.

Был я еще рудой.
Боль та откуда бе?
Это был отблеск той,
Что причину Тебе?

Грех изостряет грань.
Выкован во гресех.
Господи, кроме ран,
Что мы Тебе несем?

Матери не стыжусь,
Сына Ея пригвоздя?
Как же я Ей молюсь,
После того, – что я...

Этот с лобзанием лез,
Мерзость ощерив уст.
Я в заусенцах слез
Мукам Твоим гожусь.

Господи, сталь болит.
Телом иду в Крови.
Мной, за меня пробит –
Это – Венец Любви.

<...>

ВОСКРЕСНЫЙ ЧАС
В СЕРАФИМОВСКОМ ХРАМЕ

Зачем сейчас? – Есть дни другие. –
Такая рань! Мороз и тьма.
Душа летит на Литургию
В родимый храм.

<...>

А в храме каждый шорох внятен,
И служба правило ведет,
И свечи щедро пламень тратят
От восковых своих щедрот.

Ни воздыханья, ни печали, –
И мирен дух, и в сердце тишь.
Перед Владимирской очами
И ближе к Хлыновской стоишь.

Плечом к плечу в своем народе
Крепить Дивеева стену.
Златым Евангельем выходит
Господь на проповедь в миру...

...Отсюда – щит Иерусалима,
Путь к погребальным пеленам.
Мы верны. «Иже Херувимы» –
И «Символ веры» грянет храм.

Так восхищает Воскресенье
Всех восприемников Христа
От ежедневного несенья
До целования Креста.

СЕЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Село высоко село
Божьего Трона в подножье.
Здесь от Любви светло
И непреложно.

Выйди на берег реки:
Жизни течение быстро.
Сосны зачем высоки?
Травы зачем шелковисты?

Ищет творенье Творца,
Сердцем неопытным ходит.
Веет туман у лица,
И от воды – холод.

Предошущеньем Любви
Шесть сотен лет не напрасны.
Во-н-ме-м! – прольется. Гряди,
Великорецкая Пасха. –

Алые крылья – заря.
Белые – ангелов крылия.
Из глубины Алтаря –
Свет Литургии.

В жизни, дарованной мне,
Свет лишь имеет значенье.
Что же творил я в себе
В ночь отреченья?

<...>

Господи! Тело и Кровь.
Вниду, гордец прокаженный?
Хочешь? Верни мне Любовь
Неосужденно.

...С Красной Пасхальной строки
Берег Реки и Отчизны.
«Великорецкое» – рцы.
Это село моей жизни.